УДК 1(092) + 177 + 159.923.2

КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕНИЯ И.А. ИЛЬИНА: ОБЩЕНИЕ КАК ЖИЗНЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ

Гладышев Владимир Иванович,
Южно-Уральский государственный университет (НИУ),
Институт социально-гуманитарных наук,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: gladyshev1947@mail.ru

Аннотация
Статья посвящена анализу оригинальной и весьма актуальной сегодня в теоретическом и практическом отношениях концепции общения И.А. Ильина, трактующего последнее как особое жизненное творчество личности, включающее в себя этические, эстетические и интеллектуальные компоненты. Автор статьи обращает внимание читателя на практическую направленность учения И.А. Ильина о «любезности» как ценностного измерения культуры общения с точки зрения его формы, а также на сопредельные с любезностью базовые регуляторы межличностного общения: *«вежливость»*, «*деликатность»* и др. в их диалектической взаимосвязи, взаимопереходах и пр. Анализ концепции общения И.А. Ильина позволяет уяснить, каким образом сосредоточив необходимое и достаточное внимание на *форме* общения, затратив на это определенные усилия, мы «обходным путем» добиваемся в соответствии с принципом « экономии сил» более успешных результатов в плане достижения социально значимого *содержания* нашей деятельности, чем тогда, когда мы пренебрегаем этим общественно целесообразным процессом.

Ключевые понятия:
бессознательные компоненты в общении, гедонизм в общении, любезность в общении, уровень общения, форма общения.

В первой половине XX столетия выдающимися представителями западной (М. Бубер, Э. Левинас, Г. Марсель, Х. Ортега-и-Гассет, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс) и отечественной философии (М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, А.А. Мейер, П.А. Флоренский, С.Л. Франк) было положено начало создания «философии общения». Хотя заслуга открытия *Я-Ты отношения,* выражающего сущность человека, принадлежала Людвигу Фейербаху. Но осознание значимости этого открытия, необходимого для его углубления, пришло лишь в XX веке. «Фейербах (…), – писал М. Бубер со ссылкой на Карла Хайма, – положил начало тому открытию *«Ты»*, которое называют "коперниканским свершением" современной мысли и "основным событием (…) столь же чреватым последствиями, как и идеалистическое открытие "Я", событием, которое должно привести к новому началу европейской мысли и сулит более широкие перспективы, нежели картезианский вклад в современную философию". Мне самому в молодости решающий толчок дал именно Фейербах» [2, с. 184].

Актуальность добытых в указанный период теоретических результатов сегодня не только не уменьшилась, а существенно возросла. Возрастание интереса к изучению проблемы общения было в значительной степени обусловлено особенностями современной коммуникативной ситуации: деформация структуры общения в условиях тотального господства коммуникации *(S-O отношение)* при помощи новейших медиа-средств, преобладание безличных функционально-ролевых контактов над личностно-ориентированными, эскалация проблемы одиночества и т.д. Между тем, наследие указанных авторов, приобретающее все большую теоретическую и практическую значимость в условиях глубокого духовного кризиса, переживаемого ныне человечеством, ещё не освоено в достаточной степени.

Это справедливо, в первую очередь, в отношении философии общения, разработанной представителями русской религиозной философии XX века. Не противопоставляя друг другу концепции общения отечественных и западных авторов, мы проанализируем оригинальные *коммунологические идеи* лишь одного из русских философов – Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Наш выбор обусловлен прежде всего особой привлекательностью в современных условиях *практической направленности концепции* И.А. Ильина. Ибо в своих работах он последовательно проводит взгляд *на общение как на жизненное творчество и важнейший фактор духовного обновления личности.*

Следует подчеркнуть, что Ильин выступил пионером в исследовании проблемы общения в XX веке. Ещё в 1912 году он поместил в журнале «Русская мысль» глубоко продуманную статью «О любезности», предметом которой был всесторонний анализ проблемы общения [3, с. 7–48]. Автор воспользовался междисциплинарным подходом к общению, который включал в себя социально-философский, этический, эстетический, социально-психологический и социологический аспекты. Однако теоретическая модель общения, разработанная тогда Ильиным в границах взаимодействующих подходов, сыграла важную роль для последующего социально-философского анализа общения как в его работах, посвященных изучению актуальных тем философии права и государства, так и в его полемическом труде «О сопротивлении злу силою» (1925), да и в подавляющем большинстве более поздних произведений: «Путь духовного обновления» (1935), «Путь к очевидности» (1957) и др. В 1941 г., в Цюрихе, Ильиным был прочитан цикл лекций «О человеческом общении».

Оценивая место концепции общения в творчестве Ильина, следует иметь в виду, что многие весьма продуктивные и глубокие *коммунологические идеи* философа располагаются дисперсно в обширном массиве его творений. Их нелегко вычленить из общего контекста его работ. Всякий раз, когда И.А. Ильин затрагивает проблему общения, она, в конечном счете, трактуется им как жизненное творчество и важнейший фактор духовного обновления личности. Так, уже в ранней работе Ильина «О любезности» содержатся исходные основания его оригинальной трактовки общения. Это прежде всего *роль бессознательных компонентов* в составе межличностного общения, что позволит ему в последующих работах проанализировать значение динамики содержания внутренней полусознательной коммуникации для духовного обновления личности.

Сказанным оригинальность подхода Ильина к проблеме общения не исчерпывается, но она обстоятельно проявлена лишь в его более поздних публикациях. Это, например, общение в контексте *самоутверждения* личности. В анализируемой нами статье Ильина автор, прежде чем приступить в последующих своих работах к исследованию таких специализированных форм общения, как, например, правовая, политическая, межнациональная, экономическая, осуществляет следующее. Он стремится определить сложное содержание этой важной формы человеческого взаимодействия (общения) пока на достаточно абстрактном уровне. Ильин различает *узкое* и *широкое* понимание общения. Причем к первому он относит такое общение, что происходит с нашего согласия и лишь от нашего желания зависит поддерживать его или прекратить. «Мы все привыкли думать, – рассуждает Ильин, – что мы общаемся с теми и только с теми, с кем хотим, и притом лишь так и постольку, поскольку мы хотим этого сознательно» [3, с. 7]. Этому, по сути дела, обыденному представлению об общении Ильин противопоставляет расширенное его толкование. «С точки зрения социологии, – писал И.А. Ильин, – к общению должен быть отнесен во всяком случае каждый психический момент, каждое ощущение и переживание, которое может рассматриваться как внутренняя реакция одного существа, обладающего психикой, на проявление (или даже *появление*) другого обладающего психикой существа. Такое понимание не только признает несущественным момент преднамеренности и произвольности в общении; оно относит к общению и весь тот слой переживаний, который протекает в нас полусознательно и с виду, может быть, даже лишен определенного или устойчивого содержания; мало того, общением, с этой точки зрения, явится всякое взаимодействие двух людей, хотя бы оно состояло просто в переживании взаимного присутствия, т.е. пребывания в одном и том же месте» [3, с. 7–8].

Не ограничиваясь приведенным рассуждением, И.А. Ильин расширяет представления о возможных субъектах общения, которые будут позднее рассмотрены М.С. Каганом в качестве *квазисубъектов общения,* а также *субъективированных объектов* [5]. В подобном общении предполагается «...внутренняя реакция одного существа, обладающего психикой, на *представление о другом*, одаренном психикой существе (независимо от того, соответствует этому представлению в момент реакции наличное, конкретное, живое существо или не соответствует)» [3, с. 7–8]. И далее: «...к ряду социальных переживаний будут отнесены: переживания, связанные с существами, *вообще* не имеющими внешнего эмпирического бытия (например, психология мифа), или *уже* не имеющими его (например, психология кладбища), или *еще* не получившими его (...) Одним словом, все, что *представляется* одаренным душой, может вызвать *социальное* переживание в том, кто имеет такое представление (одухотворение земли, растений, моря)» [3, с. 8]. Эти переживания, считает Ильин, могут выступать основой жизненного творчества человека и иметь колоссальную значимость в деле его духовного совершенствования, расширяя и обогащая *круг общения* личности.

Об общении человека с вещами писали и другие философы: М. Бубер, А.Ф. Лосев.

Но Ильин раскрывает эту проблему в ином контексте, а именно в связи с обоснованием частной собственности, показывая «...ее *необходимость* для человека, ее *жизненную целесообразность* и ее *духовную верность»* [4, с. 277]. Практически неизбежная связь с вещами может быть выражена с различной силой: «...связь свою с вещами, – подчеркивает философ, – (...) человек может сводить иногда к самому скудному минимуму (...) Но совсем обойтись без этого человеку не дано. У человека же, создающего *хозяйственную культуру*, это общение с вещами становится основной формой деятельности. Хозяйствуя, человек не может не сживаться с вещью, вживаясь в нее и вводя ее в свою жизнь. (...) *Все страсти* человеческие вовлекаются в этот хозяйственный процесс, – и благородные и дурные, от религиозно-художественных побуждений до честолюбия, тщеславия и скупости. *Все интересы* человеческие связуются с успехом и неуспехом дела – от инстинкта самосохранения до самых высших, духовных потребностей. Это значит, что человек связывается вещами не только «материальным» интересом, но и *волею к совершенству, и творчеством, и любовью* (...) Человеку дано художественно индивидуализировать не только свое отношение к людям, но и свое отношение к внешним вещам, к природе, к зданиям, земле, к быту. Человеку дано *художественно отождествляться* не только с друзьями и с поэтическими образами любимых поэтов, но и с розами в саду, со взращенным виноградником, с насажденным его руками лесом, с колосящейся нивою и построенною им фабрикой» [4, с. 279–280].

Учитывая неизбежные различия в мотивах трудовой деятельности и их возможных сочетаний, Ильин подчеркивает, что «...каждый вовлекается в творческое общение с вещами всем своим существом; и успех его творчества обусловливается не только напряжением его инстинкта, но и усилиями его духа» [4, с. 280]. Примечательно то, что И.А. Ильин, в процессе анализа общения человека с вещами, осуществляет синтез духовно-творческой и хозяйственно-производственной деятельности людей в его составе. Тем самым он преодолевает радикальное противопоставление отношений *Я-Ты* и *Я-Оно*, свойственное для концепции Мартина Бубера, а также процессов *объективации* и *общения* в философии Николая Бердяева. Завершить этот сюжет уместно высказыванием самого Ильина: «Лично-инстинктивное и лично-духовное общение человека с вещами имеет сразу и *хозяйственно-производственное и духовно-творческое* значение, и поэтому оно непременно должно быть признано, закреплено и ограждено правом, осмыслено как необходимое, справедливое и *без крайностей ненарушимое* полномочие. Человеку *необходимо* вкладывать свою жизнь в жизнь вещей: это неизбежно от природы и драгоценно в духовном отношении. Поэтому это есть *естественное право* человека, которое и должно ограждаться законами, правопорядком и государственною властью. Именно в этом и состоит *право частной собственности*» [4, с. 280].

Возвращаясь к вопросу о бессознательных компонентах общения, которым Ильин придает чрезвычайно важное значение, причем не только в статье «О любезности», но и в более поздних работах, и в существенно ином контексте, следует подчеркнуть ряд сделанных им глубоких наблюдений. Они по преимуществу носят социально-психологический и этический характер. Так, особое внимание Ильин придает *гедонистической* функции общения, в которой зачастую проявляется полусознательное жизненное творчество личности. «Все мы, – признает философ, – являемся полусознательными *гедонистами* в обычном общении, конечно, все в разной степени; и этот гедонизм действует тем сильнее, что он живет и мотивирует поступки в сумеречной темноте полуосознанности. Все мы с полной добросовестностью не отдаем себе отчета в том, какую решающую роль играют в нашей повседневной жизни *незаметные приятности общения*...» [3, с. 10]. Однако И.А. Ильин четко осознает сложный, неоднозначный, *антиномический характер* полусознательного соприкосновения человеческих душ: здесь и полуосознанные «уколы общения» и признание того, что «человек, несомненно, испытывает "отдых" при отсутствии всякого касания с реальной, живой психикой другого...» Вплоть до того, что: «У человека, находящегося в обществе других, душа как бы непрерывно содрогается от воспринимаемых ею касаний и от реагирующих на эти касания ответных разрядов» [3, с. 9].

Если присовокупить к сказанному необыкновенно образное представление Ильина о внутреннем мире человека, который уподоблен им движению метели: «...вдруг понесутся хлопьями яркие, сильные ощущения и также внезапно перебьются, спутаются и бессильно закачаются на одном месте; и потом монотонно и надолго запестрит частая сеть обычных переживаний, с тем чтобы закрутиться опять в хаотическом танце» [3, с. 12]. Соприкосновение этих метелей, его результаты могут обладать избыточной интенсивностью. Однако несмотря на сложность «метели метелей», представляющей собой общение, Ильина поражает частое возникновение чуда гармонических касаний двух психик, происходящих при общении людей. Обыденный опыт дает

достаточно оснований для весьма оптимистического заключения: «Из повседневного опыта мы знаем, – утверждает Ильин, – что это чудо реально переживается каждым из нас и притом сравнительно чаще, чем это могло бы казаться возможным с самого начала» [3, с. 13]. От каких факторов зависит неожиданная легкость осуществления общения: «...осуществление его (общения – В.Г.) тем возможнее, тем легче, чем сравнительно поверхностнее, мимолетнее касание, чем сильнее потребность в созвучии, чем шире диапазон души у общающихся, чем ярче сковывающие их интересы, чем выше и подвижнее у обеих сторон приспособляемость и – что для нас самое интересное – чем больше *заботы и бережливости* вложено обеими сторонами в дело взаимного ограждения от тягостных ощущений, возникающих так легко в общении» [3, с. 13–14].

И.А. Ильин отнюдь не ограничивается приведенной выше, по сути дела, описательной констатацией. Он ставит задачу *четкого структурирования приемов,* с помощью которых личность добивается надежной реализации присущих ей гедонистических устремлений. Подобная *классификация форм общения* в их взаимосвязи была произведена впервые. Ее значимость для человеческого общежития обоснована в анализируемой нами статье весьма обстоятельно. К ряду приемов, которые можно считать базовыми регуляторами человеческого общения, располагая их «в некоторой постепенности», Ильин относит: *вежливость, любезность и деликатность*.

Как это явствует непосредственно из названия статьи Ильина исходным, генеральным понятием в рассматриваемой триаде выступает понятие *«любезность»*. Характерно, что в контексте работы Ильина оно приобретает практически категориальное значение. Иначе трактуются перечисленные понятия словарями синонимов русского языка, где они и рассматриваются именно как синонимы. Иное значение они приобретают в контексте проблемы общения в статье И.А. Ильина. Здесь каждый термин приобретает особый смысл, особое звучание, привычная словарная лаконичность преодолевается доскональным, всесторонним анализом. Содержание данной триады и достраивающих её понятий (*любовность; интимная, исключительная любовь*, и в противовес к ним: *отношения приличия и индифферентные отношения)* до качественно целого человеческих отношений раскрывается в ряде определений, уточняющих и дополняющих друг друга.

Но важны не только тщательность подбора примеров и череда определений, важен аутентичный избранной теме метод. Суть примененного автором метода исследования состоит в следующем: различия между указанными видами социальных переживаний и их проявлениями он определяет по степени их *индивидуализации* в отношении к партнеру, то есть по тому *уровню общения*, который содержит данный контакт. Под уровнем общения Ильин понимает «...совокупность тех интересов, желаний, индивидуальных особенностей и т.д., которые присущи обеим или всем общающимся сторонам, каждой в отдельности и порознь, и которые поэтому соединяют людей как бы на некоторой общей почве» [3, с. 16].

Как уже отмечалось нами ранее, понятие «*любезность*» является исходным и занимает центральное место. В соотношении с ним определяется смысл и творческий потенциал сопредельных понятий. Поэтому непростая сущность любезности выражается целым рядом определений, уточнений и оговорок. Сравнительно проще обстоит дело с определением вежливости: «...вежливость есть *механическое умение* доставлять окружающим в самом поверхностном и типичном социальном взаимодействии минимум неприятного и максимум приятного...» [3, с. 17]. Но и в этом случае трудно обойтись без сопоставления вежливости с любезностью, а последней с деликатностью: «...в проявлениях вежливости преобладает известное нивелирование, что-то обезличивающее, ориентирующееся по внешним, общим признакам. Тогда как любезность предполагает уже известную внутреннюю индивидуализацию, учет данного единственного в своем роде состояния и сочетания душевных переживаний; любезность, а тем более деликатность, ориентируется уже не на *«внешнем»*, а на *«внутреннем»*. Причем проявленное стремление будет тем ближе к деликатности, чем глубже и индивидуализированнее тот учет чужих душевных переживаний, который вырабатывается в общении и руководит проявлениями» [3, с. 16–17].

Словно двуликий Янус, любезность одним своим ликом обращена в сторону *вежливости*, в сторону *деликатности* другим. Однако геометрической симметрии здесь не возникает. Следовательно: «У людей, обладающих известной чуткостью души и впечатлительностью, – отмечает Ильин, – дело обстоит даже так, что любезность получает почти неизменно оттенок деликатности. Восприятие их настолько быстро, тонко и верно отражает того, с кем они вступают в соприкосновение, что они невольно и незаметно начинают глубоко индивидуализировать свои реакции в общении с ним» [3, с. 19]. Но нередко происходит обратное. Такова, например, *подчеркнутая любезность*, имеющая «...неприятное свойство “обязывать” того, по отношению к кому она проявлена...» [3, с. 27]. Насторажи-

вает Ильина и известная «обтёртость» в общении отдельных лиц, их обездушивающая подлинную *любезность* техника общения, доведенная ими до поразительного мастерства. Но в этой имитации любезности: «За видимой и ощущаемой легкостью у них скрывается нередко самая грубая неделикатность и полное отсутствие любовности (...), за этой техникой любезности может с особенным удобством укрываться пошлое, мелкое и ничтожное» [3, с. 26]. Из сказанного видно «...что любезность в своем полном социальном осуществлении является своеобразным, далеко не всегда простым *жизненным творчеством*; именно благодаря ее полузаметности, благодаря ее склонности пребывать постоянно в полутонах и укрываться в оттенках ее можно сравнить с невидимой доверчивому глазу, тонко и умело сплетаемой сетью, накинутой на человеческое общение» [3, с. 27].

Полнота и глубина анализа любезности, системный характер ее рассмотрения Ильиным, в значительной степени могут быть оценены при обращении к III разделу его статьи. Любезность, по его мнению, «предстает перед нами в трех различных видах: она есть sui generis *стремление, умение и творчество*» [3, с. 21]. Анализируя указанные виды любезности, Ильин подчеркивает, что «...в любезности есть всегда налицо некоторое искреннее или неискреннее, корыстное или бескорыстное, сильное или слабое *стремление* или, если угодно, волевое настроение» [3, с. 21]. Как и любезность в целом, инициирующее её стремление может быть как вполне сознательным, так и бессознательным. Нередко оно дается человеку нелегко. Тогда ему приходится бороться с «притуплением души». В любом случае, для успешного общения помимо *стремления* надобно *умение*, «... которое может состоять, во-первых, в знании известных правил, во-вторых, в совокупности определенных навыков в общении» [3, с. 24]. Не вызывает сомнения, что имеются партнеры по общению, обладающие едва ли не врожденным, интуитивным даром определения меры любезности. Однако «тот, кто любезен сознательно, будет при прочих равных условиях (особенно при одинаковой морально-альтруистической настроенности) проявлять более регулярно и более утонченную любезность, чем тот, у кого этот вопрос находится в полной необдуманности» [3, с. 25].

Поскольку для осмысления антиномичности в составе *умения* быть любезным нами ранее, с опорой на первоисточник, сказано достаточно, сосредоточимся на *творческой* составляющей любезности. «На этом третьем этапе, – по мнению Ильина – любезность оказывается *творчеством, направленным на форму общения*, и только здесь она предстает перед нами в своем полном значении» [3, с. 28]. Творчество, направленное на форму общения, требует особой *культуры общения*, имеющей сложный состав. Прежде всего это, по мнению Ильина, «...живые впечатления, получаемые нами от того, с кем мы общаемся», которые "скапливаются" в душе, постепенно мобилизуются и образуют более или менее цельное синтетическое "ощущение" его личности» [3, с. 28]. Дабы указанный синтез был более полным и точным, необходимо, чтобы неизбежные пробелы в восприятии человека человеком были заполнены *апостериорным и априорным* материалом. Если синтез был неудачным и в нем превалировали надуманные, априорные материалы, то и выбор формы общения влечет за собой неудачу. Преодолеть ее помогает способность художественного перевоплощения в чужую личность. «Мы, – говорит об этом Ильин, – касаемся здесь *эстетической* грани любезности, и она обнаруживает перед нами как творчество свой *художественный момент*. Творчество *формы в общении* предполагает *синтетически-художественное* творчество в *восприятии* живых людей...» [3, с. 30]. Большое значение в творческом созидании формы общения Ильин отводит *интеллектуальной культуре*. Особенно велика значимость интеллектуальной культуры для развития любезности в сравнении с деликатностью, которая, по мнению Ильина, в большей мере опирается на интуицию. Таким образом, «...душа, воспринявшая интеллектуальную культуру, располагает условиями, облегчающими развитие любезности» [3, с. 31].

Весьма основательно анализируются Ильиным *невербальные формы общения,* которые он обозначает как *«способы* проявления» или *«формы* проявления». К ним он относит: «...сочетание различных способов, намеренно или ненамеренно выражающее и передающее в общении какое-нибудь душевное содержание...» [3, с. 32]. Не беда, что эта тема рассматривалась еще мыслителями эпохи Возрождения (Бэкон, Монтень) [1, с. 212–215], ибо Ильин рассматривает ее в конкретном контексте, а именно: с позиции требований *любезности в общении*. В философском отношении особенно важен проведенный Ильиным диалектический анализ соотношения в общении *формы* и *содержания*. Можно без преувеличения сказать, что это ключевая тема статьи Ильина к которой он терпеливо подводит читателя. Любезность «...не создает и *сама по себе* не может создавать *содержания*, т.е. того, *что* проявляется или соответственно не проявляется в общении, – душевных настроений, переживаний и т.д. Всякая попытка распространить ее влияние на *содержание* внутренней жизни

людей как таковое, *поскольку оно не состоит в творчестве формы,* придает ей несвойственное значение и посягает на самозаконность жизни духа» [3, с. 34–35].

Любезность, превысившая свои полномочия, степень *альтруизма,* ей свойственную, должна перейти на более высокую ступень деликатности либо даже любовности. В противном случае происходит *перерождение любезности,* порождающее симуляцию, корыстную лживость, заискивание, поддакивание, подчинение среде. Желание быть любезным вопреки содержательной стороне общения приводит к утрате целесообразности этой весьма важной формы общения. «Возможность избежать сравнительно меньшего по своему значению зла (недостаточной любезности – В.Г.) покупается, – по мнению И.А. Ильина, – слишком дорогой ценой – осуществлением зла более значительного: спасая «формальную» гармонию, люди вызывают дисгармонию в содержании – раскол как в пределах индивидуальной души, так и в отношении друг к другу» [3, с. 39]. Нередко те, кто не могут переносить притворства в общении, категорически освобождают себя от любезности даже тогда, когда в этом нет необходимости, считает Ильин. Из сказанного выше следует, что «...формальная» гармония, вносимая в общение любезностью, не имеет высшей, самостоятельной ценности. Путь к истинной социальной гармонии, образ которой рисует перед нами моральная и социальная философия, ведет не только через временные *«формальные»* конфликты, но и через диалектику глубоких временных разрывов и распадений, и высшим искусством вносить в общение гармонию и меру, направляя его к высшим целям социального бытия, является совсем не любезность, а *чувство такта»* [3, с. 40–41].

Анализируя любезность «в ее полном социальном составе», Ильин использует два довольно-таки распространенных принципа, связанных между собой. Во-первых, это «*точка зрения экономии сил*» и «*продуктивность обходного пути*» для быстрого и надёжного достижения желаемой цели. «...*Целесообразное значение* любезности, – пишет в этой связи И.А. Ильин, – выяснится с особой наглядностью, если мы станем на точку зрения экономии сил. Тогда любезность предстанет перед нами как средство, содействующее осуществлению известной цели, но требующее само для своего осуществления затраты сил и энергии; причем затрата этой энергии хотя и не ведет еще непосредственно к главной цели, но дает в общем счете значительную экономию сил, устраняя возможность других, нецелесообразно вторгающихся в жизнь явлений и процессов. Любезность по самому смыслу своему не есть «главное» и существенное в общении; люди общаются не для того, чтобы выбирать в общении взаимно приятную форму, а наоборот: они стремятся к взаимно безболезненной форме проявлений для того, чтобы общение могло иметь место вообще и притом с возможно большей продуктивностью» [3, с. 41].

Не будучи главной, специальная работа над формой приобретает весьма важное значение. Казалось бы, зачем нужны дополнительные усилия по совершенствованию формы, когда было бы целесообразным сосредоточиться непосредственно на содержательной стороне общения. Однако Ильин справедливо считает, что затраты усилий на выработку аутентичной формы и есть тот самый обходной путь, который «...типичен для целого ряда общественных процессов: формальная дисциплина становится центром усилий потому, что отсутствие ее погубило бы даром гораздо большее количество энергии, чем то, которое может быть поглощено ее выработкой...» [3, с. 42]. Однако верно и то, что «если общение не вызывается *существенным и устойчивым* интересом сторон, то любезность не имеет почвы для образования» [3, с. 41]. И далее: «Любезность как общественно целесообразный процесс не может сложиться вокруг пустого места» [3, с. 42].

И.А. Ильин анализирует также типичные ситуации прикрепленности людей друг к другу: недобровольную, добровольную и любовную. В первой сильны центробежные тенденции. Особенно сильны они в случае, если группа малочисленна. *Принудительная прикрепленность* может «...бросить людей друг на друга с силой необычайного озлобления» [3, с. 44]. Полвека спустя проблемы общения в малой группе, в экстремальных условиях, исследовали психологи Л.А. Китаев-Смык, О.Н. Кузнецов, В.И. Лебедев. Однако Ильин не исключает перерождения любезности и в случае *добровольной и любовной* объединенности. Всякий раз, когда любезность утрачивает наиболее целесообразное для нее серединное, компромиссное значение, возникают различного рода девиации. Наиболее четко эта мысль и предшествующий анализ любезности в общении выражены в итоговой части статьи И.А. Ильина. Буквально же он говорит следующее: «...каждый из нас может рассматриваться как центр, вокруг которого располагается целый ряд концентрических кругов со все уменьшающейся индивидуализацией в общении (...) круг интимной, исключительной любви, круг любовности, круг деликатности, круг любезности круг вежливости, неопределенно обширный круг приличия и, наконец, самый неопределённый и обширный круг индифферентного отношения, в котором воз-

можно даже несоблюдение приличия» [3, с. 47]. И далее: «Именно в этом подобии общения концентрических кругов вскрывается наглядно компромиссная природа любезности. Любезность есть компромисс, с одной стороны, между абсолютным альтруизмом и абсолютным эгоизмом, и *в этом отношении* она подобна «милостыне», подаваемой на улице; с другой – между категорическим долженствованием и психической невозможностью; с третьей – между служением ценностям общения и служением ценностям объективного ряда (научное, художественное творчество)» [3, с. 48].

Подчеркивая творческий характер любезности как важного проявления культуры общения, И.А. Ильин писал: «Так или иначе любезность предстает перед нами как своего рода *этическое*, *эстетическое* и *интеллектуальное* жизненное творчество, осуществляющееся в обычном общении людей и направленное на придание нашим проявлениям в общении социально безболезненной формы» [3, с. 31].

1. Ананина, А.В. Проблема общения в зеркале философии Возрождения и современность [Текст] / А.В. Ананина, В.И. Гладышев // Современная экономика и общество: научный взгляд молодых: сборник статей и тезисов докладов XII международной конференции студентов, магистрантов и аспирантов (22 января 2016 г.). Челябинск, 2016. Кн. 2. С. 212–215.

2. Бубер, М. Проблема человека [Текст] / М. Бубер // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 157–232.

3. Ильин, И.А. О любезности. Социально-психологический опыт [Текст] / И.А. Ильин // Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. 1. С. 7–49.

4. Ильин, И.А. Путь духовного обновления [Текст] / И.А. Ильин // Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 134–288.

5. Каган, М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений [Текст] / М.С. Каган. М.: Политиздат, 1988. 319 с.

References

1.Ananina A.V., Gladyshev V.I. (2016) Problema obschenia v zerkale filosofii Vozroschdenia i sovremennost' / Sovremennaya ekonomika i obschestvo : nauchniy vzglyad mologikh: sbornik statey i tezisov dokladov XII meschdunarodnoy konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov (22 yanvarya 2016). Chelyabinsk, Kn. 2, pp. 212–215 [in Rus].

2. Buber M. (1995) Problema celoveka / Buber M. Dva obraza very. Moscow, Respublika, pp. 157–232 [in Rus].

3. Ilyin I.A. (1996) O lubeznosti. Socialno-psychologicheskiy opit / Ilyin I.A. Sobranye sochineniy: v 10 tomach. Moscow, Russkaya kniga, t.6, kn.1, pp. 7–49 [in Rus].

4. Ilyin I.A. (1993) Put'duchovnogo obnovlenya /Put'k ochevidnosti. Moscow, Respublika, pp. 134–288 [in Rus].

5.Kagan M.S. (1988) Mir obschenya: problema meschsub'ektnich otnosheniy. Moscow, Politizdat, 319 p. [in Rus].

UDC 1(092) + 177 + 159.923.2

CONCEPTION OF I. A. ILYIN'S COMMUNICATION: COMMUNICATION AS A PERSON'S LIFE CREATIVITY

Gladyshev Vladimir Ivanovich,
South Ural State University (National Research University),
Institute of Social Sciences and the Humanities,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: gladyshev1947@mail.ru

Annotation
The article focuses on analyzing the original and quite important today in theoretical and practical aspects conceptions of communications by I.A. Ilyin, who interprets the latter as a special life creativity of a person, including ethic, esthetic and intellectual components. The author pays the readers' attention to the practical orientation of I.A. Ilyin's dogma about "amiability" as a value measurement of culture of communication from the viewpoint of its form and also to the adjoining to amiability basic regulators of interpersonal communication: "politeness", "delicateness" and others in their dialectal interrelations, inter transitions, etc. The analysis of I.A. Ilyin's communication conception allows to understand how paying attention to the form of communication and spending particular efforts on it we "in a roundabout way" make more progress in accordance with the principle of "saving efforts" in achieving socially important essence of our activity rather than when we neglect this socially reasonable process.

Key concepts:
nonconscious components in communication,
hedonism in communication,
amiability in communication,
level of communication,
form of communication.